

СНАЙПЕР

ИГРА СНАЙПЕРОВ

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

ЖАРКИМ КРОВАВЫМ ЛЕТОМ

СТИВЕН ХАНТЕР

ИГРА СНАЙПЕРОВ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Наши дни, невесть где

Он видел степные цветы, а среди них — Кейти. Она сидела, скрестив ноги. Ветер трепал ей волосы, и те сверкали на солнце. Кейти широко улыбнулась. Она всегда улыбалась. Четыре года — возраст улыбок. Вид у нее был совершенно счастливый. Травинки всколыхнулись, и ей это, должно быть, понравилось. Здрава и без того курносый нос, она подставила мордашку ветру.

— Кейти! — закричал он. — Кейти, милая! Кейти!

Она обернулась на голос. Голубые глаза ее лучились любовью.

— Папа! Пап, привет!

— Милая, я сейчас! — завопил Пол и рванулся к ней, как рванулся бы любой отец, чтобы обнять, прижать к себе, оградить от беды.

Рванулся, да не вырвался.

Он был прикован к столбу. Металлические браслеты врезались в кожу.

— Кейти, я...

— Пап, мне пора.

— Нет, Кейти, нет, я сейчас, погоди...

Он рванулся еще сильнее. Из ран на запястьях пошла кровь, но наручникам было все равно.

— Пока, пап. — Кейти встала с травы. — Я тебя люблю.

Она исчезла, и он понял, что проснулся. Это был сон. Пол больше не спал, но боль в руках никуда не делась. Он дернулся. Наручники снова впелись в кожу. Он действительно был прикован к добротному деревянному столбу. Стоял совершенно прямо, как Жанна д'Арк в ожидании костра.

Он поморгал. Все осталось как было, но всплыли новые странности. Во-первых, в лицо ему дул легкий ветерок с ароматом луговых трав. Во-вторых, в небе сияло солнце: то ли желало Полу доброго утра, то ли обрекало его на новые мучения.

Он не чувствовал запаха собственной мочи и рвотных масс. Не чувствовал и привычного зуда, а ведь он давно не мылся и совсем запаршивел. Он не обгадился, а если и обгадился, его почистили.

Вместо драных пятнадцатилетних чиносов¹, найденных когда-то в мусорном баке, на нем был бирюзовый хирургический костюм, а вместо стареньких «адидасов» на два размера больше нужного — белые носки.

Проморгавшись, Пол окончательно проснулся, широко раскрыл глаза, подождал, пока не сфокусируется зрение, и хорошенько рассмотрел мир, в котором очутился.

Этот мир не был похож на вчерашний переулок за фуд-кортом. Пол смутно помнил, как хлебнул мускателя, принял метамфетамина, а потом вырубился за мусоркой неподалеку от мексиканского кафе, где по вечерам собираются приличные люди, едят, пьют, смеются и время от времени подогревают Пола баксом-другим, а то и пятеркой.

Куда все делось? Что творится?

Я что, умер? Умер и попал в рай?

Нет, на рай не похоже. Похоже на луг за городом.

Вокруг была трава, целое море травы. И море света. Наконец зрение заработало как надо, и Пол рассмотрел

¹ Чинос — летние хлопчатобумажные брюки.

ландшафт во всех подробностях. Увидел бескрайний простор, горную гряду, сосновую рощу, огромный купол неба, прозрачные завитки облаков, яркое, но ласковое солнце. И зелень, повсюду зелень, потому что столб стоял посреди луговины, а вокруг — бесконечный сосновый лес.

Он ничего не соображал, но к такому состоянию ему не привыкать. В голове, как всегда, полная каша. Хорошо хоть голоса не донимают. Он искал глазами других людей — и нашел, причем довольно быстро. В добрых пятидесяти ярдах от столба стояли три шезлонга. В них сидели трое. Один говорил по мобильнику. У каждого был равнодушный вид оценщика.

— Э! — крикнул Пол. — Что за фокусы? Кто вы? Где я?

Они молчали, хотя парень с телефоном бросил на него косой взгляд, не прекращая оживленной беседы.

Так, новые подробности. Судя по волосам (длинноваты) и нарядам (джинсы, сапоги, ковбойские шляпы), это мексиканцы. Темные очки, расслабленные позы — трое мачо изволят коротать свой досуг. Он что, в Мексике?

И еще одна странность: чуть поодаль от шезлонгов стоит парень в черном. То есть вообще в черном, с головы до пят, на лице — черная маска, а из прорезей таращатся глаза, тоже черные. И он, в отличие от остальных, смотрит только на Пола.

Пол искал ответ на вопрос, как он мог оказаться в Мексике, прикованный к столбу, относительно чистый и выставленный напоказ, словно музейный экспонат, но он давно уже разучился связно мыслить и по-прежнему ничего не соображал. В попытке напрячь мозги он лишился последних сил. Ему хотелось выпить, хотелось залить глаза мускателем, ведь тот помогал отделаться от фурий, пусть не навсегда, но хотя бы на время.

У него закружилась голова. Чтобы не упасть, он приклонился к столбу. Даже это движение далось ему с трудом. Он тяжело дышал: сказывалась кислородная недостаточность.

— Помогите, пожалуйста! — крикнул он.

Руководящий комитет пришел в движение. Парень с телефоном — похоже, он был за главного — окликнул остальных мексиканцев. Все трое подошли к мужчине в черном и усталились на Пола. Судя по всему, никто не собирался ему помогать.

Время тянулось невыносимо медленно, словно сбилось с привычного ритма. Наконец Пол услышал странный звук. Не резкий, вроде взрыва или выстрела, но все равно грозивший опасностью. Словно что-то шлепнулось на землю неподалеку от столба. Мексиканец снова принялся говорить по телефону.

Пол повернул голову. Ярдах в двадцати пяти от него над травой стояло коническое облачко пыли, словно от миниатюрного взрыва. Ветер понемногу сдувал пыль в сторону.

Непонятно было, какое отношение облачко имеет ко всему происходящему. Пыль просто висела над травой. Пол изо всех сил соображал, откуда она взялась, но это зрелище никак не укладывалось в его картину мира.

Через секунду земля снова дрогнула. Еще одно извержение, теперь гораздо ближе. Пыль взлетела футов на десять — со сверхзвуковой, а то и со световой скоростью, словно ее выплюнул гейзер, — и тут же начала рассеиваться. Пола осыпало камушками и комочками земли.

Он лихорадочно рылся в воспоминаниях, пытаясь сообразить, что это значило. Наконец до него дошло: такие извержения бывают, когда в землю с силой бьет пуля. Он тысячу раз видел это в кино.

Земля под ногами заходила ходуном. Неведомая сила больно ударила его о столб, руки вывернулись, наручники впились в запястья до самых костей. Во рту появился привкус крови. Милосердное онемение продлилось не больше секунды, и Пол почувствовал острую боль. Его хлестнули камушки и песчинки, несшиеся со сверхзвуковой скоростью.

Теперь он понял, что по нему стреляют, причем изда-
лека.

Его охватила паника, как всегда бывает с жертвами. Он
бросился бы наутек, но наручники не пускали.

— Нет! — крикнул он. — Так нельзя! Вы не имеете пра-
ва! — И непроизвольно всхлипнул.

Это выглядело смешно, и мексиканцы засмеялись.

— Кейти! — завопил он. — Прости меня, прошу, про-
сти папу!

И вошел туда, где не было ничего, кроме света.

ГЛАВА 2

Ранчо, Каскейд, Айдахо

Грех жаловаться. Вид из кресла-качалки открывался шикарный: луг, а за лугом — горы с белоснежными шапками (прямо как у него самого), и эти горы были здесь всегда (прямо как он сам). Здесь он владел всем, кроме гор, принадлежавших одному лишь Господу. Поздней весной погода приятная, солнце нежаркое, ветер несильный. У детей все хорошо. Жена довольна, насколько жены вообще бывают довольны. Денег все больше и больше, и не по его хотению, а благодаря неустанной работе каких-то финансовых механизмов. Здоровье хорошее, даже отличное. Новое бедро (за номером третьим) стало как родное, мотор не барахлит. Лошадок, пожалуй, даже через край, и все бодрые, живые, как сама жизнь. Винтовки? Есть и новые, самых удивительных калибров, еще и патрон на пробу, называется «Кридмур 6,5», отличная забава — скучная, техническая, как раз по нему. Друзей даже больше, чем он заслужил, причем совершенно разных, от знаменитостей из Национальной стрелковой ассоциации и бывалых снайперов до нескольких журналистов и множества лошадиных ветеринаров в семи штатах, да еще двух десятков бывших сержантов морской пехоты: с такой ватагой хоть в огонь, хоть в воду. Пикапы? Больше чем за один руль не сядешь, так что хватит и одного.

«Все у меня есть», — думал он.

В свободное время он помаленьку учил историю. Сейчас добрался до Крымской войны и представлял себе тогдашние баталии в пороховом дыму, густом, вездесущем — ни конца ни края. Раны хреновые, зеленоватые, а потом — гангрена и ампутация, причем никаких анестетиков, кроме спиртного. Современные кудесники от медицины не раз спасали ему жизнь — вот они, шрамы, — и от мыслей о такой ампутации холодела спина, старая и прямая как жердь. Так что все прекрасно.

Он знал, что это не навсегда.

И был прав.

Машины такого ядовитого цвета бывают только в прокатных конторах, да и там не пользуются особым спросом. На номере значилось «Айдахо 82». Путь неблизкий. Стало быть, жди неприятностей — друзья никогда не приезжали без звонка, и вряд ли кто-то из них сел бы в такую елочную игрушку. На воротах ранчо не было никаких опознавательных знаков, даже почтового ящика, кричащего на весь мир, что здесь проживает «СВЭГГЕР». Да, дом у Боба большой и красивый, но с шоссе его не видно. С таким же успехом проселок мог вести к ушатанному трейлеру, или к поселению сектантов, вооруженных до зубов, или к любой мерзости, пустившей корни в благодатной почве штата Айдахо.

Сунув руку под футболку, он коснулся рукоятки «Командера» с магазином на девять патронов «.38 Спешл» и убедился, что может выхватить его из кобуры меньше чем за секунду. Движение было чисто машинальное. Прибытие «форда-темпо» или «шевроле-призм», да еще с такой термоядерной расцветкой, не предвещало перестрелки. Хотя, сказать по правде, Боб предпочел бы перестрелку.

Машина остановилась, и он поднялся на ноги. Увидев, кто приехал, он не то чтобы удивился, но слегка опешил. Из машины вышла женщина лет шестидесяти, плюс-минус. Брючный костюм, макияж и дорожные кеды: в наши

дни почти все американки таскают их и в пир и в мир. Улыбка неуверенная, непрофессиональная, лицо слегка асимметричное, словно его сперва разобрали на части, а потом снова собрали, но уже не так удачно. Правда, шрамов на нем Боб не заметил, просто форма была какая-то не такая, да еще и мина не особенно счастливая, и все это выглядело весьма подозрительно. Эта бедолага, кем бы она ни была, крепко смахивала на человека, затаившего обиду на весь мир.

— Мэм, — крикнул он, — просто чтоб вы знали, это частная собственность, а я человек не сильно общительный. Если вы что-то продаете, я не куплю. Если приехали взять интервью, я отказываюсь с вами беседовать. И агитировать меня бесполезно, на выборы я не хожу. Но если вы заблудились, я с радостью подскажу, куда ехать, и даже принесу чего-нибудь попить.

— Я не заблудилась, мистер Свэггер. Сержант Свэггер. Не так-то просто было вас найти. Знаю, что вы не жалуете гостей, и не вижу причин, по которым вы должны обойтись со мной иначе, но с учетом обстоятельств я имею право на то, чтобы вы меня выслушали.

— Ну... — сказал он, а про себя подумал: «О господи, что еще?»

— Речь о моем сыне. Младший капрал Томас Макдауэлл, снайпер, Третий батальон Восьмого полка морской пехоты, Багдад, две тысячи третий год. Вернулся домой в гробу.

Какое-то время они молча сидели на веранде. Боб понятия не имел, что сказать, — ясное дело, сказать было нечего. Он знал, что такое горе. Знал, что его лечит одно лишь время, да и то не до конца, с ним покончит только могила. Так что Боб решил: пусть говорит женщина. А ей, похоже, требовалось время, чтобы собраться с духом.

Наконец она сказала:

— Красиво у вас.

— Каждый день сижу тут часок-другой. Травинки считаю. Иной раз забредает стадо антилоп, а то и чернохвостый олень со своим гаремом. Однажды видел здоровенного лося, не рога, а загляденье. Но таких почти не осталось.

— Вы очень гостеприимный.

— Какой уж есть.

— Наверное, думаете, что я приехала за объяснениями. Контекст, физика, баллистика, история, что-где-когда. Вы же специалист в этих вопросах.

— Если оно вам надо, не буду себя сдерживать.

— С тех пор как принесли похоронку, я и сама кое в чем разобралась. Семь шестьдесят два на пятьдесят четыре, сто шестьдесят гран. Классическая винтовка Драгунова. Скорость на момент попадания — тысяча шестьсот футов в секунду. Пуля со стальным сердечником — не сплющилась, не разорвалась. Прошла навывлет. Говорят, он не успел ничего почувствовать.

— Правильно говорят.

— Мне бы сказать спасибо за такое милосердие, но язык не поворачивается. Маме не нужно милосердие. Маме нужна жизнь того, кто стрелял. Вот что нужно маме.

Он помолчал. Дело приняло неожиданный оборот. Да и что тут, черт возьми, скажешь?

— Миссис Макдауэлл, это не дело. И не потому, что вы говорите об убийстве — а это убийство, поскольку мы не на войне. И не потому, что вы напрашиваетесь на серьезные неприятности, по сравнению с которыми ваша нынешняя жизнь — детский сад, уж простите за резкость. И не потому, что вы при любом раскладе потратите все свои деньги, вообще все, на адвокатов и прочих стервятников. И даже не потому, что это, скорее всего, невозможно. Видите ли, вы хотите отомстить. Для этого вам нужен охотник, и вы пришли ко мне, но я старик. Основная ра-

бота снайпера состоит в том, чтобы выслеживать жертву, высаживать двери, бегать по ступенькам и все такое прочее, а мне уже семьдесят два, так что меня или возьмут под стражу, или пристрелят на месте.

— Прекрасно вас понимаю, — кивнула она. — Мне уже говорили, что Снайпер Боб — достойный человек и что он не собьет меня с пути истинного, а наоборот, поможет добрым словом. Чисто для справки: я побывала везде. В Корпусе морской пехоты, в разведке, в НСА. Везде мне дали от ворот поворот. Считаю, что я рехнулась.

— Ну, это слишком громко сказано. Скорее, вы плохо подумали.

— Но... — начала она.

— Разумеется, всегда есть «но».

— Да, и у меня тоже. Вы скажете, что война есть война. Он сам, по собственной воле, записался в морскую пехоту, окончил снайперские курсы, добровольно отправился на войну, убил нескольких человек и однажды вечером проиграл в лотерею. Так уж устроена война. Проиграл в лотерею, и привет. Вы сами знаете. И тот мальчишка, что нажал на спусковой крючок, — предположу, что речь неминуемо пойдет об этом мальчишке, — он такой же, как Том. Плясал под дудку политиканов, толком не понимая, к чему все идет, и предпочел бы сидеть с девчонкой в кино, или шляться по торговому центру, или чем еще занимается молодежь. Я права?

— Да, я думаю так же. Понятно, что эти слова не помогут восстановить справедливость, да и покоя вам не добавят. Кроме того, велика вероятность, что мальчишку положили в том же Багдаде. В две тысячи третьем там много кого положили, если мне не изменяет память.

— Не изменяет.

— Добавлю, что у них была неплохая программа подготовки снайперов, так что нашим парням досталось на орехи. Потом туда отправились кое-какие люди, проана-

лизировали данные, составили графики, вычислили, где, когда и как стреляют, и поменяли стратегию так, что их мальчишки стали умирать гораздо чаще, а наши — гораздо реже. Наверное, Том погиб до того, как эксперты разобрались, что к чему.

— Именно так.

— Пожалуй, вам лучше выбрать новую мишень для своего гнева. Например, Корпус морской пехоты, такой неповоротливый. Или президента и строй мужчин в серых костюмах — ведь именно они отправили вашего сына туда, где он погиб. Или газеты с их передовицами в поддержку войны. Или взгляните на все это под другим углом. Все, кто погиб на войне, отдали свои жизни не просто так. Даже если от вашего сына осталась лишь запись в противоснайперской базе данных, он спас множество матерей от той участи, что постигла его маму. Все это не зря. Ваш сын не напрасно пожертвовал жизнью. Он отдал ее за тех, кто оказался в Багдаде после него.

— Я бы согласилась, но не могу. Это «но» никуда не денется.

— Ну ладно. Расскажите мне про ваше особое «но».

— Но дело не в войне. Но его убил не мальчишка, который предпочел бы шляться по торговому центру. Но этот человек не защищал свою страну. Но он не мертв. Но я знаю, кто он и где его искать.

Говорила она уверенно и с чувством, однако это еще ничего не значило. Ясно было одно: эта женщина или безумно отважна, или выжила из ума. А может, и то и другое.

Она семь раз побывала в Багдаде. Четыре раза ее изнасиловали, трижды избили, причем один раз весьма серьезно, чем и объяснялась странная форма лица.

— Кости неправильно срослись, — сказала она. — Мелочи. Кому какая разница?

Трижды ее обмисурили. Она отдала жуликам все, что выручила от продажи дома, а потом заняла денег у брата,

чтобы оплатить шестимесячный интенсивный курс арабского.

— Некоторые нюансы мне по-прежнему недоступны. Сами знаете, у них очень беглая речь. Многое зависит от контекста и культурного багажа. Но я почти все понимаю. Могу вести переговоры. В случае чего всегда можно пере-спросить. Ах да, еще я приняла ислам.

— Приняли ислам?

— Иначе не понять, как они устроены. На это ушло еще полгода. Я пыталась стать настоящей мусульманкой, понять их историю, культуру, идеологию, поверить всей душой. Подумывала даже взорвать пару-тройку неверных и посмотреть, какие будут ощущения. Но отказалась от этой мысли. Слишком неправильно. Даже для такой чокнутой, как я.

Короче, дело обстояло так. Разведчик из Третьего батальона сказал ей, что Третий батальон вел бои с остатками Второй штурмовой бригады Пятой багдадской механизированной дивизии Первого корпуса Республиканской гвардии. В конце войны личный состав бригады смешался с местным населением. По большей части они были родом из столицы, так что неплохо знали местность. Они начали стягиваться поодиночке в юго-восточную часть города, где дислоцировался Третий батальон, и развязали партизанскую войну против неверных. Поначалу ничего особенного: самодельные взрывные устройства, неумелые засады, горе-снайперы, постоянные измены, проволоочки, неудачи, вопиющее невежество. Но эти ребята быстро учились на своих ошибках.

Целью ее первой поездки — а также второй и отчасти третьей — было найти ветерана из этого партизанского формирования, готового рассказать, как все было. Сплошные обманы, впустую потраченные деньги и темные переулки — в одном из них ее изнасиловали. По крайней мере один раз, во время первой поездки.